

ПОГОНЯ

Грузин Анзор Ахалая — мой друг. Мы познакомились на Камчатке. Майор Ахалая работал в милиции, я — в областной больнице врачом. Анзор человек необычайно интересный: перворазрядник по боксу, прекрасный фотолюбитель, хороший охотник. Даже дочь свою, родившуюся на Камчатке, он назвал в честь богини охоты Дианой.

У нас с Анзором много общего: мы — одноклассники, оба любим спорт, оба сотрудничали в газетах. Он публиковал свои фотографии, я — рассказы, очерки. Ну и, конечно, главное то, что мы оба были с Кавказа.

Мой дом находился рядом с управлением милиции, и Анзор частенько по вечерам в свободное время забегал ко мне пить чай.

Мы любили с Анзором беседовать за чаем. Чаше всего он рассказывал о разных случаях из своей профессии... А рассказывать ему было что. Однажды на рыболовецком судне он даже добрался до Гавайских островов в поисках рецидивиста, а вернувшись — я хорошо это помню, — тотчас же ушел на задание в тундру и поймал матерого бандита.

И в этот раз, забежав ко мне на чай, Анзор заговорил о побеге какого-то страшного преступника.

— Ты понимаешь, тяжело ранил двух часовых, — выпалил он.

— Куда же он мог скрыться? — спросил я.

— По всем данным, на материк он не вылетел. Все самолеты тщательно проверялись. Пароходом? Тоже исключено. После побега не было ни одного рейса.

— Значит, он где-то на полуострове.

— Возможно. Из Усть-Камчатска поступили сведения, что рецидивиста видели где-то на севере полуострова. Через пару дней поеду туда. Может, составишь мне компанию? — предложил он.

Неожиданно для него я согласился.

— А что?! Я уже, считай, две недели не выезжаю из города. Прямо ноги зудят.

И в самом деле, я мог тогда очень быстро собраться в дорогу, даже самую дальнюю. Меня охотно отпускали в любое время дня и ночи. Начальство знало из практики — если я уезжаю, значит, непременно вернусь с каким-нибудь материалом о состоянии здравоохранения в том или ином районе. Областные врачи на подобные командировки соглашались неохотно, потому что порой приходится неделями торчать где-нибудь в затерянном и забытом Богом аэропорту.

Через два дня мы с Анзором уже были в Усть-Камчатске. Город делился на старый и новый. Старый находился в опасной зоне цунами. Цунами — это океанская волна, вызванная землетрясением. Откатываясь, она уносила с собой все, что встречала на пути. Люди боялись там жить и потому перебирались подальше от океана.

Вместе с местными работниками милиции сначала мы ходили по старому Усть-Камчатску, а потом перебрались в новый. Беспокойство друга невольно передавалось и мне: ведь я стал участником его рискованного предприятия. Я уже знал, что ходим мы по улицам города вовсе не для того, чтобы где-нибудь наткнуться на следы рецидивиста. По ходу дела я догадывался, что его здесь быть не может. Но те, кто видел в открытой тундре его следы, живут здесь. Вот с ними мы и встречались. Случалось, и я задавал вопросы. А вопросов возникало тем больше, чем больше знакомился с делом.

За три дня, проведенных в Усть-Камчатске, нам удалось установить, что преступник в последние дни находится в тундре Корякского национального округа. Мы вылетели в центр округа, в старинный поселок Палана. А через два дня на двух собачьих упряжках с отличными каюрами вышли в тундру.

Нет, не абстрактно мы ташили на себе нарты по бескрайней тундре на Север. Я не оговорился, нарты мы действительно тащили на себе. Собаки, подсчитано, ташат нарты менее сорока процентов пути. Каюр впрягается в упряжку каждый раз, когда она трогается с места.

Мы бродили по тундре уже несколько дней: от табуна к табуну, или, как говорят на полуострове, от бригады к бригаде. Анзор не привык к таким путешествиям. Он выезжал в тундру всего два раза, а для меня она, можно сказать, была родным домом: я полгода работал врачом непосредственно в бригаде.

В одном из табунов мы напали на свежий след беглеца. Коряки-оленеводы сказали, что третьего дня был у них человек, представился геологом и ушел на снегоступах по побережью. Мы показали им фотографию. Оленеводы, все без исключения, сразу узнали беглеца. На наши расспросы, вооружен ли он, коряки не могли ответить. В самом деле, откуда им знать об этом. Если и вооружен, это никого бы не удивило. Как-никак — открытая тундра. Здесь даже необходимо иметь при себе оружие.

Ночевали в чуме. Мы с Анзором лежали в отдельном положении, забравшись в оленье кукули. Говорили о разном, в том числе и о страхе. Тема, что и говорить, актуальная. В пять утра мы снова отправимся в дорогу и, вероятно, к вечеру уже встретимся с преступником, который, возможно, вооружен. А в тундре, ясное дело, за дерево или за угол дома не спрячешься. Тут у беглеца будет явное преимущество. Он-то уж наверняка знает, что его захотят взять живым, поэтому стрелять не будут. А у него руки развязаны.

Анзор меня строго-настрого предупредил: не проявлять самостоятельности, мало ли что... Я вспомнил об одном случае.

...Это было давно. Я учился не то в девятом, не то в десятом классе и уже тогда прослыл у себя в городе незаурядным спортсменом. Время было послевоенное. Многие из двадцати-, двадцатипятилетних погибли на фронте, и спортом занимались безусые юнцы и тридцатилетние, как нам казалось тогда, — ветераны. Никого не удивляло, что по многим видам соревнований, даже по штанге и гирям, частенько первенствовали школьники. Так вот и я ходил довольно юным в чемпионах.

Однажды я попал в крупный город на юношеские соревнования и стал победителем. Ходил по улицам, и мне казалось, что все смотрят только на меня! Еще бы! Час назад меня наградили значком чемпиона. Гордый, я ехал в трамвае, стоя на подножке. И вдруг увидел, как на улице какой-то небритый детина штaketником бьет старика. Стало жутко. Недолго думая, я соскочил с подножки трамвая и в два прыжка оказался рядом с детинкой. Дальнейшие события развернулись с такой быстротой, что уж и не помню, как я уложил детину и он грохнулся на асфальт. Я взял выпавший у него из рук штaketник и о колено разломал его. Старика усадил на ступеньку лестницы, ведущей в подъезд одноэтажного дома, а детину оттащил к газону, разбитому под окном. В это время приближался очередной трамвай, и я, довольный собой, на ходу вскочил на подножку (тогда двери трамвая не закрывались). Я вошел в вагон. Все были за-

няты собой, своими мыслями. Людям, погруженным в собственные заботы, было не до меня, не до моего счастливого настроения. В окно я увидел старуху, продающую мороженое. Я прыгнул с трамвая, купил фруктовое и вернулся на остановку. Приближался трамвай. В дверях его висели люди. Я удивился, так как минуту назад трамвай того же номера прошел полупустой. Я стал присматриваться, к какому краю удобнее подступиться. Вдруг пассажиры словно по команде прыгнули с подножек и окружили меня. Ко мне подошел тот самый небритый детина со свежими ссадинами на лице. Началась чудовищная драка. Я не чувствовал ни страха, ни боли. Помню, что несколько раз сумел применить приемы самбо и это помогло мне вырваться из окружения. Я побежал в переулок и завернул за угол какого-то дома. Не успел перевести дух, как передо мной остановился старенький «Москвич», из которого высыпали мои противники. Никогда бы не подумал, что в такой крохотной машине может поместиться столько народу...

Мне досталось больше, чем каждому из них. Во время потасовки я обратил внимание, что на груди у меня нет чемпионского значка. Прибавилось злости, а вместе с ней и силы. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не подоспела милиция...

Оказалось, я дрался с компанией каких-то бандитов и воров. В милиции мне порассказали о них таких страстей, что я ушел, чего лукавить, растерянным. Ко мне пришел запоздалый страх. «Что же это получается? — думал я. — Случись такое еще, и я должен пройти мимо?» От одной этой мысли стало не по себе. На душе было противно. Ночами я не спал. Это состояние длилось три дня. Ровно три дня.

На четвертый день я ехал в трамвае. Стоял в конце вагона, погруженный в свои грустные мысли. Вдруг в трамвай быстро и ловко вскочил человек. На небритом лице — подсохшая ссадина. Это был тот самый детина. Тогда, в день драки, я не мог разглядеть его, а теперь меня поразили его глаза. Они были какие-то волчьи. Первую же мысль — оттолкнуть его в сторону и выпрыгнуть из трамвая — я отбросил, но почувствовал, как дрожат колени. Вспомнились разговоры в милиции. Однако смятение, признаюсь, продолжалось недолго. Не знаю, каким чутьем, но я учуял ту же дрожь у моего противника. Я сразу успокоился. У меня запела душа. Я твердо знал теперь — случись что, я поступил бы так же. Как все, оказывается, просто. Все мы простые смертные. У всех есть чувство страха, и самое главное при этом — не потерять веру в себя, быть человеком.

Трамвай шел, громыхая, на очень маленькой скорости. Мы оба молчали. Неожиданно мой противник заговорил:

— А ты молодец, парень. Мне такие нравятся. Только нельзя, не зная броду, соваться в воду. Всякое могло быть. Считай, что в рубашке родился.

— Как же можно избивать беззащитного старого человека?

— Это не человек, а изверг. Продажная шкура.

— Если это и так, то все равно бить слабого и старого нельзя.

Я осязаемо ощущал свое превосходство. И впервые понял, как важно иметь чувство собственного достоинства. А страх — это ерунда. Он у всех живых людей есть. Главное — победа над страхом, главное — не менять своих убеждений под воздействием страха.

...Засыпая в натопленном чуме вместе с Анзором Ахалая, я старался не думать о предстоящем, как при острой зубной боли стараешься не думать о самой боли. Боксеры хорошо знают, что страх чаще всего бывает до боя и... после боя. Да, да, после боя тоже. Именно после боя ты, анализируя встречу, вспоминаешь об одном каком-то мощном ударе, который прошел мимо цели. И если бы не твоя интуиция, то лежать бы тебе на полу. От одной этой мысли становится страшно.

Рано утром мы отправились в дорогу. Нарты шли хорошо по жесткому насту. Собаки быстро семенили короткими лапами, то и дело оглядываясь назад, ожидая команды на отдых. О, как они ждут этого момента! И когда он приходит, виляют хвостами, облизывают торбаса каюра в знак благодарности и засыпают в вырытой в снегу яме. Но сейчас отдыха не может быть. До конца дня надо быть в дороге, пока хорошо видны свежие следы.

Я невольно прикинул в голове, сколько за последние дни прошагал беглец по мерзлой и одинокой тундре на ужасно неудобных снегоступах. Если бы лыжи, а то снегоступы! Никакого скольжения, и передвигаться тяжело. Надо всякий раз приподнимать их. От этого ужасно устают колени. Расстояние, пройденное бегльцом, даже вызывало к нему уважение.

На вершине очередного перевала мы завойтили нарты — облили полозья водой. И они тут же заледенели. После этого нарты идут хорошо. И собакам легче, и каюру. На спуске каюр, который вез Анзора, неожиданно остановил упряжку. Обычно на спуске не останавливаются, иначе идущие сзади не успеют притормозить и собаки могут получить травмы. Я спрыгнул с нарты и побежал к остановившейся упряжке. Анзор стоял не-

далеко от нарты и держал в руках снегоступ. Не обмолвившись ни словом, мы поспешили дальше. Через несколько метров нашли еще один снегоступ.

— Что это значит? — спросил я своего каюра.

— Однако устал он. Трудно в снегоступах долго идти. — И добавил: — Слабый человек. Глупый человек. Страх отшиб у него разум. Плохо поступил он.

Я слушал каюра и удивлялся, с какой легкостью он объяснил мне то, над чем бьются ученые в научных лабораториях, изучая человеческую психику в так называемых экстремальных ситуациях. Примеры, которые приводил мой каюр, казалось, могут объяснить многое и имеют бесценный научный интерес. Он находил замерзших людей в тундре. У них в рюкзаках были и еда, и спирт, и одеяла, и палатки. Люди, потеряв самообладание и рассудок, не могли воспользоваться содержимым рюкзака. Вдруг мне стало жаль нашего беглеца. Для меня он был уже не преступник, а отчаявшийся человек, который от страха потерял рассудок. Точно загнанный зверь метался он по тундре. Но у всего живого есть те последние силы, которые спасают его в самую последнюю минуту. Мы гнали замученных, задыхающихся собак, спешили, торопили упряжку и время. И я уже ловил себя на мысли, что искренне болею за беглеца, переживаю за человека, который в любую минуту мог из засады перестрелять нас не моргнув глазом. Трудно сказать, как вообще поступают в последний момент отчаявшиеся люди. По логике вещей, они звереют и готовы на любую подлость, любое преступление. Но разве в какой-то момент не может быть наоборот? Разве не может человека, потерявшего рассудок, охватить не только чувство страха, но и жалость к самому себе? Ведь он один в необозримой тундре, и у него, должно быть, максимально повышен инстинкт самосохранения...

Световой день был на исходе. Мы ведь не просто находились на Крайнем Севере. Мы шли на север. А зимой чем ближе к северу, тем короче световой день. Каюры все чаще и чаще присматривались к местности: искали площадку для ночевки. Неожиданно собаки сами остановились и дружно залаяли. Дул вечерний хиус — наземный ветер. Ночь опускалась на посеревшую тундру, словно кто-то вдали медленно затягивал полог горизонта. Каюр последней упряжки первым заметил черную точку на снегу и побежал посмотреть, что это. Когда мы подошли к нему, он держал в руках огромную пеструю шубу, сшитую из шкур волка, оленя и соболя.

— Беглец совсем близко. Шуба не успела заиндеветь. Совсем мягкая.

— Что делать? — тихо спросил Анзор.

Я понимал, что ждать до утра мы не можем. Судя по всему, беглец полностью потерял рассудок.

В последнее время все чаще и чаще печатают сообщения о том, что ученые обнаружили в организме человека химические соединения, от которых зависит не только настроение, но и поведение. Некоторые ученые полагают, что ощущения счастья или горя, например, зависят от деятельности выделяющегося вещества — эндоморфина. Журналисты уже успели окрестить его, в зависимости от действия, «гормоном удовольствия» или «гормоном отчаяния». Речь идет не о мистике, а о настоящем научном открытии. В самом деле, задумывались ли мы когда-нибудь, почему вдруг ни с того ни с сего у нас поднимается настроение или на нас находит тоска, а то и отчаяние? Можно, конечно, утверждать, что в каждом отдельном случае прослеживается конкретная причина. Верно. Но нельзя же не согласиться с тем, что все эти сложные процессы каким-то образом регулируются, контролируются и, может быть, дозируются. Правда, все это происходит в нормальных условиях, дома. А в исключительных ситуациях, наверное, выходит из строя механизм, который «регулирует», «контролирует», «дозировает». Не исключено, что наш несчастный беглец сейчас находится в состоянии отчаяния. А возможно, он весь опутан осязаемым страхом неизбежной гибели. Мороз под тридцать, а он шубу сбросил.

— Надо искать, — сказал я.

Анзор дал команду каюрам двигаться дальше, но они отказались.

— Не надо ехать.

— Почему?

— Ночью много не увидишь. Темно. Проедешь мимо замерзшего человека.

— Долго еще приводили они свои доводы, и все они не составляли надежды на спасение беглеца.

— Мы одни пойдем искать, а вы отдыхайте. Только завтра пораньше догоняйте нас. — Анзор сказал это на всякий случай. Он отлично знал, что коряки начинают свой день за три часа до рождения солнца.

К моему удивлению, каюры даже не попытались отговорить нас. Мы ушли. Но они, конечно, по-своему правы. Чего ради

из-за преступника четыре человека должны рисковать собой и двадцатью двумя собаками?

Шли молча. Время от времени так же молча менялся лидер. Надо было не просто шагать, но и ногами прощупывать лыжню, вернее — следы от собачьих нарт и оленьих аргиз. Мы шли и думали только об одном — успеем или нет? Других мыслей у нас не было. Хотя, конечно, следовало бы подумать о том, как это вздумалось беглецу выбрать такой отчаянный маршрут. Он задумал пройти по западному побережью — по материковой части полуострова, оттуда — на материк к Магаданской области. А там дороги и... спасение. Ведь никому и в голову не придет искать его по такому маршруту. Да, можно было думать о многом. Но мы думали только об одном — как найти его.

В тундре я месяцами дневал и ночевал у оленеводов, но двигался по ночной открытой тундре впервые. Не знал я, что нет ничего чернее снега. Ни зги не видно. Я подумал было даже о том, как прав был каюр, который сказал, что можно мимо замерзшего человека пройти. Тут не только мимо человека пройдешь, но и горы не заметишь. Теперь мы шли не друг за другом, а рядом.

Вдруг Анзор остановился и стал водить ногами по снегу. Нагнулся и поднял какую-то вещицу. Это был малахай — меховая шапка-ушанка, сшитая из оленьей шкуры. Я снял варежку и просунул руку в малахай. Он был еще теплым. Мы молча зашагали еще быстрее. Часто падали, помогали друг другу подняться и снова шли. Не успев пройти и нескольких шагов, мы оба споткнулись и упали на распластанное тело. Это был беглец. Я быстро снял варежки и стал отыскивать его лицо, чтобы определить, жив он или нет.

Он был почти раздет. Вопреки логике, беглец сбросил с себя все. Он беспрекословно выполнял команды, диктуемые страхом.

В человеке едва теплилась жизнь. Мы положили его на наши кухлянки и стали растирать снегом, делать искусственное дыхание. Я все время думал о наших упряжках — там были лекарства, и самое главное — там был спирт. Я со злостью подумал о каюрах, которые не пошли с нами.

То и дело я прикладывал ухо к холодной груди и тотчас же прикрывал ее кухлянкой. В этих условиях трудно было понять, жив человек или нет. Но мы продолжали растирать тело бегльца. Вдруг я услышал голоса и лай собак. Это были они — каюры. Душа моя запела.

Меня покинул страх, страх за жизнь незнакомого мне человека.